

Эдуард Бояков и МХАТ им. Горького

Повод сходить в министерство есть всегда, уверен **Эдуард Бояков**.

Худрук МХАТ имени Горького подписал новый контракт на пять лет и готов к взаимодействию с президентом театра Татьяной Дорониной, «серьезная зарплата» которой не понизилась ни на

рубль, уверяет он. О непростых отношениях со своей легендарной предшественницей и информационном фоне вокруг МХАТ Эдуард Бояков рассказал в интервью «Известиям» после оформления всех документов.

– Недавно в устав театра внесены изменения. Но трактовали их по-разному. Поясните, что в итоге произошло?

– Изменения в уставе касаются взаимоотношений руководства театра с учредителем. Учитывая, что мы живем в ситуации, где многожды декларировалась свобода художника, говорилось о том, что учредитель не вмешивается в творческую жизнь театра – это изменение очень важно.

Конечно, министерство не должно автоматически выделять деньги и этим ограничиваться. Есть вопросы безопасности, строительства, материально-технического обеспечения, административно-хозяйственные, юридические, которыми, по мнению министерства, должен заниматься директор. Творческие полномочия он делегирует художественному руководителю. Такая конфигурация меня, как худрука-директора, которым я был два года, устраивает.

– Теперь вы будете заниматься только творчеством, а все траты

и претензии по расходу средств падут на директора?

– (Смеется.) Я надеюсь, до претензий дело не дойдет. Но не будем скрывать, что много беспочвенных, некорректных слухов раздувалось вокруг проверок, которые у нас были. Во-первых, они были плановыми. Во-вторых, в соответствии с результатами проверок всегда документы отправляются в прокуратуру. Это уведомление. Прокуратура соглашается или не соглашается с теми выводами, которые делает комиссия. В нашем случае – согласилась с тем, что есть некоторые замечания, но нет никаких оснований для административной, тем более уголовной ответственности.

Мы находимся в сложном информационном поле, не будем этого скрывать. Кому-то это расковыривание, раздувание выгодно. Стоит задача отвлечь публику и СМИ от той повестки, которой мы реально занимаемся.

– Проверки отвлекают?

– Конечно. Когда вы говорите: «Теперь кто-то будет заниматься финансами, а вы будете заниматься только творчеством», – вы чувствуете, наверное, некую двойкость этого вопроса. Что это значит – творчеством? Я буду сидеть такой романтический, ждать вдохновения, а потом приду к директору, который скажет: «Денег нет. Поставьте-ка комедию посмешнее, пожалуйста. Не надо современной драмы, никто на нее не ходит».

Я рассчитываю не на эти отношения. Мы должны помогать друг другу. Я должен учитывать потребности театра, в том числе и связанные с деньгами, проводя репертуарную политику, отвечать за зрителя так же, как отвечает директор. И то, что мы идем в верном направлении, говорит касса. «Лес», «Вишневый сад», «Некурортный роман», «Красный Моцарт» – это успешные спектакли, на которых аншлаги. А «Лавр» по роману Водолазкина – вообще беспрецедентный случай. Думаю, лет сорок в этом театре не было такого спроса.

– При этом спектакль о святом.

– О православном святом. Это отдельная радость для нас. Не

буду сейчас врать и говорить, что рассчитывали на такой успех. Но мы нашли контакт со зрителем, и я рад этому.

А то, что я весь первый год занимался преимущественно вывозом мусора, коллеги не дадут соврать. Чувствовал себя археологом, обходя все пространства, кладовки.

– То, что для одного мусор, другие посчитают сокровищами.

– Так оно и было. В один обход открывали цеха в подвале. «А что это за дверь?» – спрашиваю сотрудников. «Нет ключа. Мы не можем найти». Через неделю тоже не нашли. «Значит, мы взломаем ее». Открыли. А там – антикварная мебель XIX и начала XX века. И вся не на балансе МХАТ.

– Как же она оказалась там?

– Вопрос. Думал, может, кто-то свою мебель сложил. Но с тыльной стороны обнаружил старые бирки, на которых написано: «МХАТ. 1936», а еще отметки 1930, 1934, 1952. Тогда и была последняя инвентаризация.

Могу вспомнить историю с кафе-кондитерской, которое из модного в советские времена места превратилось в свалку. Мусор вывозить дорого, и его складировали в огромном помещении в центре Москвы.

Контракт на пять лет

– Прокуратура и театр – две параллельные реальности. Вам так не кажется?

– Нет, ни в коем случае. Это совершенно нормально. Чем более спокойные, ровные отношения у театра с такими организациями, как прокуратура, МВД, ФСБ, – тем лучше. Это необходимо.

– И ФСБ к вам приходит?

– Мы с вами разговариваем через несколько дней после страшного теракта в Казани. Поймите, если бы там был профессиональный ЧОП, с правом на оружие, этой трагедии могло бы не случиться.

А сегодня мы благодарим вахтершу, которая успела нажать «тревожную кнопку». Обо всем этом надо думать. МХАТ – самый большой драматический зал в Москве, 1,4 тыс. мест в сердце столицы.

– А как у вашего театра отняли парковку?

– Это тоже следствие действий наших оппонентов. К счастью, сейчас мы уже вернули ее и даже получили больше мест.

– С вами по соседству находится Министерство культуры. Вы часто там бываете?

– Только вчера с Захаром Прилепиным туда ходили.

– Был повод?

– Повод сходить в министерство есть всегда. Как и вопросы к нашему учредителю – тоже.

– У вас к ним или у них к вам?

– Прежде всего, у нас. Мы встречались с Ольгой Любимовой. Был содержательный, долгий разговор. Она подтвердила, что, безусловно, доверяет нашей художественной репертуарной политике. Сообщила, что министерство согласовало контракт со мной как с художественным руководителем.

– Контракт подходил к концу?

– Нет. Изменение в уставе театра предполагает переписывание контрактов. Я написал заявление об увольнении, датированное 11 мая, и заявление о приеме на работу от 12 мая.

– Получилось, что вас сначала уволили, а потом заново приняли на работу.

– Так всегда получается при новом уставе. Контракт подписан на пять лет.

– Правда, что министерство предложило вам все-таки найти консенсус с Татьяной Дорониной?

– Не буду скрывать от вас ничего. Этот вопрос министерство волнует, правда. Иногда я слышу фразу, которая содержит в себе сомнения в нашей открытости: «Почему вы с Дорониной не ладите...?»

– От кого слышите?

– От министерства. Честно говорю, может быть, первый раз произношу, но несколько раз это слышал, и не от клерков. На что я с волнением, а иногда даже и с эмоциями говорю, что за эти два с половиной года не сделал ни одного негативного намека в адрес Татьяны Васильевны. Я написал ей не одно письмо, не одну записку о том, что мы открыты, готовы знакомить ее с новой реальностью, которая здесь сложилась.

– А почему письмо, записку? А телефон?

– Мы говорили несколько раз по телефону. Последний – давно и долго, час или больше. Очень теплый был разговор. А потом началась эта кампания против нас. У меня ощущение, что Татьяну Васильевну очень сильно вводят в заблуждение. Не знаю, кто конкретно, но это явно из числа артистов, которые оказались мне не нужны и которым оказался я не нужен.

Президентская зарплата

«С Дорониной могли бы поступить более элегантно»

Михаил Швыдкой – о кадровых переворотах во МХАТе, переезде Театра мюзикла и планах на сад «Эрмитаж»

– Татьяна Васильевна – президент МХАТ. А она получает зарплату в театре?

– Да. Татьяна Доронина получает серьезную зарплату, которая не понизилась ни на рубль после того, как она перестала быть художественным руководителем. Это была позиция минкультуры. Владимир Мединский, который представлял меня, Захара Прилепина и Сергея Пускепалиса Татьяне Дорониной, сказал, что зарплата должна быть сохранена. Как и социальный пакет, помощники, водитель. Проще говоря, есть забота. Мы понимаем, что Татьяна Доронина сделала для русского театра и для МХАТа.

Мы по-прежнему готовы ее видеть в любую минуту, по-прежнему готовы сделать всё для того, чтобы она посмотрела спектакли. Но при этом я был и остаюсь художественным руководителем. Если говорить о должности президента, это должность консультативная, почетная, предполагающая участие в обсуждении вопросов, касающихся репертуарной и творческой политики.

– Хоть одну консультацию Татьяна Васильевна дала?

– Мы обсуждали несколько вопросов, репертуар, но это было в том периоде, который закончился нашим последним разговором, и началась другая ситуация.

– А не было желания еще позвонить?

– Постоянно мы это пытались делать.

– Трубку не берет?

– Общение с ней – всегда через помощника. Так всегда было заведено. Это не отношение ко мне.

– Какое-то время назад она болела. Как сейчас себя чувствует?

– Я знаю столько же, сколько и все остальные в театре. Сейчас Татьяна Доронина чувствует себя перемененно: иногда ей необходима госпитализация, иногда она возвращается домой. Мы общаемся и с врачами, и с руководителями санаторных учреждений, где Татьяна Васильевна пребывает.

– В театре прошел ремонт. В ее кабинете не было сделано евроремонта? Всё осталось как прежде?

– Вы называете это евроремонтом? *(Смеется.)*

– Чисто, аккуратно.

– Конечно, мы сохранили всё. Были сигналы от помощников, что здесь ничего не надо трогать.

Все хотят знать про Татьяну Васильевну. Даже наш разговор с

министром культуры тоже содержал вопросы, которыми вы интересуетесь.

– Даже министру интересно, как живет Татьяна Васильевна.

– Ну, понятно, – и вам, и министру, всем.

Под «Сталин-центр» земли не дам

– У вас готовится премьера о превращении Сталина из «чудесного грузина» в тирана. Вы решили устроить провокацию?

– Острота темы – это одно, а провокация – другое.

– А тут чего больше?

– Конечно, остроты, мы ставим спектакли не ради дешевого хайпа. Если бы мы за этим гонялись, думаю, придумали бы, как это сделать. Мы задаемся вопросом об этой фигуре, точно так же, как исследуем феномен Николая II, Столыпина или работаем с документами Нюрнбергского процесса для своих постановок.

Ставить спектакль про Макбета или про адмирала Нельсона нормально, а про Сталина ненормально? Так действительно многие рассуждают. Это – ошибка.

– Персона, достойная драматургии?

– Еще бы. Персона, которая сыграла важнейшую роль в истории XX века. Сталин – фигура мирового масштаба, и то, что из него делают односложного персонажа комикса, – глупость. Нельзя не понимать, что в России в те времена произошло много прорывов, и не только военных, но и связанных с индустриализацией, наукой, техникой. Да и в космос мы полетели, потому что у нас была создана база.

Но спектакль, конечно, не про это. Мы пытаемся разобраться, как в молодом, талантливом парне, пишущем стихи и стесняющемся их, рождается политик – тонкий, холодный, расчетливый, циничный. Он готов пожертвовать всем, даже отношениями с

любимой.

– Вы нашли исполнителя в труппе?

– Нет, пригласили Георгия Иобадзе. Он играет в Театре Наций. И дело не в его грузинской крови, а в том, что он чувствует героя, резонирует с ним.

– Кто из звезд задействован?

– Есть одна роль – певица. Спойлеров не будет, но мы близки к завершению переговоров с очень большой звездой.

– Вы слышали, что в Нижегородской области хотят открыть «Сталин-центр»?

– Нет.

– Один деятель свой участок отдал под строительство центра, сделает музей Сталина.

– Ничего в этом страшного не вижу. Я никогда бы свой участок не отдал для «Сталин-центра», даже если бы мне кто-то подарил лишние шесть соток или гектаров. Но если у нас есть «Ельцин-центр», стоит памятник русскому царю перед Исаакиевским собором, памятник Карлу Маркса напротив Большого театра, – то я не возражаю. Хотя, не буду скрывать, некоторое время назад меня возмущало и даже бесило наличие определенных фигур в городском пространстве. Но теперь я спокойнее, всё это наша история.

– Нападки на МХАТ и на вас не заканчиваются. Как вы держите удар?

– Как вам показать, чтобы вы поверили, что я действительно очень мало уделяю этому внимания? Практически не читаю этих заказных публикаций. Знаю, что существует ряд Telegram-каналов, которые за деньги или в расчете на то, чтобы им заплатили, ведут кампании против большого количества медийных публичных персон. Это наша с вами реальность. Если заниматься

делом, то нужно делать выбор: либо ты начинаешь в это погружаться, воевать, либо не замечаешь.

А директор МХАТ Олег Михайлов обратился в соответствующие органы после ряда гадких публикаций. Открыто уголовное дело.

– Вы не жалеете о том, что стали худруком?

– Это время невероятное, счастливое, полноценное. Как можно жалеть о том, что ты оказываешься внутри великого дела, внутри великой традиции? Конечно, не жалею. У нас есть победы, и они очевидны. Я считаю, что наш театр за два года совершил невероятный рывок. Сегодня МХАТ относится к числу творческих лидеров.

– На постпандемийный сезон вы заявили 20 премьер. Сколько реализовали?

– 15. Остальные осенью выпустим. Мы не только количеством берем, но и качеством. Это касается уровня музыкальной культуры, постановочных решений, актерских работ. То, что на сцене показывают Надежда Маркина, Елена Коробейникова, Михаил Кабанов, Анна Большова, Андрей Мерзликин, Григорий Сиятвинда, Ирина Линдт, Алиса Гребенщикова, Дмитрий Певцов...

– У вас даже Якубович играет.

– Да. Я постоянно слышу восторги после спектакля «Лавр»: «И это Якубович? Мы удивлены. Какая большая роль, какой удивительный образ!» Это настоящий творческий процесс работа режиссеров и актеров. А также сценографов. То, что сделал Дмитрий Разумов в спектакле «Нюрнбергский вальс», Александр Цветной и Алиса Меликова в «Лавр» и «Некурортном романе», Борис Краснов в «Красном Моцарте» – это очень серьезные высказывания.

Сегодня, проезжая по Садовому кольцу, увидел на фасаде цитату Брехта о том, что искусство не отражает реальность, как в зеркале, а эту реальность формирует, как молот. Очень точная фраза. Театр формирует эту жизнь, и она подстраивается под театр, как бы громко это ни

звучало. Нация без театра не будет полноценной.

Зоя Игумнова